

МОНАХИНЯ ИГНАТИЯ

Здесь видался /денъ ог. жарный, а то жаръ растворяется промѣ-
насса отъ жара.

Простите.
СТАРЧЕСТВО
НА РУСИ

Библиотека журнала «Альфа и Омега»

монахиня Игнатия Пузик

Старчество на Руси

«Московское Троицкое Подворье Свято-Троицкой
Сергиевой Лавры Русской Православной Церкви»

1999

Пузик м.

Старчество на Руси / м. Пузик — «Московское Троицкое Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры Русской Православной Церкви», 1999 — (Библиотека журнала «Альфа и Омега»)

ISBN 5-7789-0065-1

Книга «Старчество на Руси» — не исследование историка и не сборник житий, хотя историческое и житийное повествование присутствуют на ее страницах. Многочисленные выдержки из писаний старцев делают ее своего рода хрестоматией старческого делания. Построенная как отечник, в котором значимы и отбор, и соположение цитат, книга вводит читателя в мир духовного опыта старцев. Немаловажно, что на этом пути ею сопровождает автор, усвоивший этот опыт. В Приложениях публикуются неизвестные или малодоступные письма русских подвижников XIX–XX вв.

ISBN 5-7789-0065-1

© Пузик м., 1999
© Московское Троицкое Подворье
Свято-Троицкой Сергиевой Лавры
Русской Православной Церкви, 1999

Содержание

Книга «Старчество на Руси» и ее автор	6
Часть I	11
Пролог	11
Основы старчества	12
К истории русского старчества	18
Восстановление старчества на Руси	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Монахиня Игнатия Старчество на Руси

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II

Издание подготовил А. Л. Беглов

СЕРИЯ:
Библиотека журнала
«АЛЬФА И ОМЕГА»

На 2-й с. обложки – вид Свято-Троице-Сергиевой Лавры
На 3-й с. обложки – Свято-Введенская Оптиная пустынь

Книга «Старчество на Руси» и ее автор

«Подобни мне бывайте, якоже аз Христу», – призывал апостол Павел коринфян (1 Кор 4:16). Многие проповедники последующих времен вторили ему, убеждая своих современников подражать тем, кто своею жизнью был «похож на Господа». Слова и поступки этих людей бережно сохранялись свидетелями их доброты и мудрости. Но последующие поколения уже с трудом различали свет, исходивший от их лиц, их слова застывали, становились безжизненными. Чтобы голоса прошлого зазвучали с былой силой, необходимо в настоящем встретить человека, который бы «говорил со властью». Для автора этой книги, монахини Игнатии, слова Отцов стали живыми и действенными в руководстве старцев начала века. Это руководство поддерживало ее и многих других тайных и явных подвижников в годы гонений, питало их в любых обстоятельствах живою водою Духа.

Монахиня Игнатия родилась в Москве в семье железнодорожного служащего 19 января (1 февраля) 1903 года, в день памяти преподобного Макария Египетского. В 1920 году, закончив школу, она поступила в 1 МГУ на естественное отделение физико-математического факультета, а затем, после организации в 1923 г. биологического отделения, продолжила обучение там. В феврале 1924 года она пришла на говение перед своим днем Ангела в Высоко-Петровский монастырь и неожиданно для себя нашла здесь духовное пристанище, определившее ее жизненный путь.

Высоко-Петровский монастырь в это время был одним из центров церковной жизни Москвы. Его настоятелем был епископ (позднее – архиепископ) Варфоломей (Ремов; †1935), духовный сын схиигумена Германа (Гомзина; †1923), последнего настоятеля Свято-Смоленской Зосимовой пустыни, находящейся к северу от Москвы на железнодорожной станции Арсаки. После долгих лет запустения монашеская жизнь была возобновлена в Зосимовой пустыни в конце XIX в. Отец Герман, назначенный строителем пустыни в 1897 г., видел цель монашества прежде всего в созидании внутреннего человека по образу Христа. К этой цели были направлены все его усилия как настоятеля. Отец Герман учреждает в пустыни старческое окормление братии, наличие которого он считал необходимым условием здоровой духовной жизни. Он сам стал первым старцем-наставником монашествующих, сделавшись для них не столько начальником, сколько отцом.

Сам отец Герман был духовным сыном иеросхимонаха Александра (Стрыгина; ††1878), старца-затворника Гефсиманского скита Троице-Сергиевой Лавры. Отец Александр вместе с преподобным Амвросием Оптинским был учеником преподобного старца Леонида Оптинского. Оптинские воспитанники всю жизнь поддерживали между собой духовную связь: преподобный Амвросий иногда отправлял своих чад за наставлением к отцу Александру. Таким образом, по линии духовного родства зосимовские иноки были прямыми потомками оптинских старцев, а с обителью преподобного Сергия были связаны не только административными – пустынь была приписана к Лавре, – но и теснейшими духовными узами. Позднее вместе с отцом Германом братию и обращавшихся к нему мирян окормлял старец иеросхимонах Алексий (Соловьев; ††1928). Именно он при избрании Патриарха на Поместном Соборе 1917–1918 гг. вынул жребий, указавший на святителя Тихона.

Богатые духовные традиции, глубокий молитвенный настрой богослужения и главное – старческое руководство, – все это привлекало внимание к Зосимовой пустыни. В начале века ее известность могла сравниться с известностью самой Оптиной в ее лучшие годы. Более чем за 20 лет своего руководства обителью отец Герман вырастил учеников, которые уже сами могли принять на себя подвиг старчества. Именно они по благословению старца Алексия перебрались после смерти отца Германа и закрытия пустыни в 1923 г. в Высоко-Петровский монастырь.

Этим переходом зосимовские иноки сменили свою лесную пустыню на пустыню духовную. В столицу богоборческого государства в те тяжелейшие для Церкви годы зосимовцы пришли с благовестием о неложных путях богопознания и духовной жизни. Они принесли сюда плоды своих пустынноческих трудов: животворящий навык молитвы и укрепляющее слово старцев. Ощущая краткость отпущенных им дней, они не скрыли этот благодатный родник, но предложили напитаться от него всем жаждущим. Такое самораскрытие монашества и старчества миру, приношение в дар ему самых драгоценных плодов подвижничества, было нервом и главной особенностью бытия Высоко-Петровского монастыря в то время. Теперь, с расстояния прошедших лет, мы можем увидеть в этом особый Промысел Божий.

Покинув стены родного монастыря, зосимовцы считали, что, несмотря на жесточайшие гонения, монашество не должно угаснуть. Свои главные усилия они направляли именно на поддержание традиции духовной жизни. Молитва, исповедание помыслов учеником и подвиг внутреннего послушания – вот основа монашества, которую они во что бы то ни стало стремились сохранить. Епископ Варфоломей воссоздает в Высоко-Петровском монастыре зосимовское богослужение и заботливо оберегает старческое делание пришедших сюда отцов. Среди них был один из ближайших учеников отца Германа иеромонах Агафон, в схиме – Игнатий (Лебедев; ††1938). Его духовной дочерью и стала будущая монахиня Игнатия. Епископ Варфоломей возвел отца Агафона в сан архимандрита и назначил его своим наместником. Он, вместе с самим Владыкой, сыграл ключевую роль в созидании духовного братства на новом месте.

Братия монастыря незаметно для большинства молящихся пополнялась иноками и инокинями, – юношами и девушками, постригаемыми уже тайно. Они оставались на своей мирской, «советской» работе или учебе, что входило в их монашеское послушание, и одновременно под руководством старцев постигали основы духовной жизни. Так, по выражению самой монахини Игнатии, Высоко-Петровский монастырь стал «пустыней в столице»¹.

Монахиня Игнатия, будучи духовной дочерью отца Агафона, приняла постриг в конце двадцатых годов. В 1926 г. она закончила университет и вскоре стала крупнейшим специалистом в области лечения туберкулеза. На долгие годы научно-исследовательская деятельность, понимаемая как послушание, подобное монастырскому, стала составной частью ее монашеского делания. К началу 1980-х годов, когда она закончила свою профессиональную деятельность, ей принадлежало несколько крупных теоретических трудов в разных областях медицины, она была удостоена звания профессора и вырастила не одно поколение исследователей. Все это время монахиня Игнатия находила силы, время и мужество работать для Церкви. Ею написаны статьи по православной гимнографии², а также службы некоторым новопрославленным святым. Часть из них вошла в богослужебный обиход Русской Церкви. Кроме этого, начиная с 1940-х годов она писала заметки, которые складывались в большие и малые книги, – писала без надежды на публикацию, «в стол», для себя.

В 1987–1990 годах, когда в стране праздновался юбилей 1000-летия Крещения Руси, многолетние размышления монахини Игнатии о том типе наставничества, который сформировал ее внутреннего человека, сложились в книгу «Старчество на Руси». Это было не первое обращение монахини Игнатии к этой теме. В 1949 году ею была написана книга «Слово о старчестве»³. Тогда она рассматривала духовное руководство как раскрытие Божиего замысла о человеке и писала о судьбах «этого откровения» в древности в пустынях Египта и Палестины, в недавнем прошлом в обителях России и в наши дни. Теперь же ее размышления сосредоточились на судьбах отечественных подвижников и их наследии. Первая часть «Старчества на

¹ Непосредственно в Высоко-Петровском монастыре братия оставалась до 1929 г., когда монастырь был закрыт. После этого зосимовцы перебрались в храм преп. Сергия на Большой Дмитровке (ныне не существует), где находились до 1933 г. Их последним пристанищем стал храм Рождества Богородицы в Путинках, в котором они оставались до арестов 1935 г.

² Обзор см. Альфа и Омега. 1997. № 2(13). – С. 281.

³ Опубликовано в журнале Альфа и Омега. 1996. № 2/3 (9/10). – С. 165–208.

Руси» – очерки из истории русского старчества. Их предваряет глава «Основы старчества», в которой описывается «механизм» духовного руководства. Во второй части монахиня Игнатия обращается к личностям старцев, которые встают перед ней со страниц их писем.

«Старчество на Руси» – это не исследование историка и не сборник житий, хотя на страницах этой книги присутствуют элементы исторического и житийного повествований. Это прежде всего плод многолетнего слышания старческого слова, углубленного внимания ему. Многочисленные цитаты из писаний старцев, включенные автором в повествование, во многом определяют стиль этой книги.

Бережное отношение к слову Отцов объясняется естественным благоговением подвижника перед теми, на чьих лицах отразился свет Христова Царства; оно было свойственно православному монашеству с момента его возникновения. К самому Священному Писанию древние иноки обращались как к слову великих святых: пророков Моисея, Илии, Иоанна Предтечи, – и Самого Господа⁴. Чтение Писания осознавалось как специфический подвиг, суть которого по-гречески обозначили понятием *μελ τι* ('размышление, попечение, упражнение, радение'; *лат. meditatio*), означающим *делание*, в котором сливаются чтение, размышление, молитва и созерцание⁵. Поучаясь в словах Писания (Пс 1:2), монашествующие первых веков ежедневно на соборной и келейной молитве прочитывали значительные отрывки из него, произнося их речитативом вслух, что органично перерастало собственно в молитву⁶. Вероятно, с первых дней возникновения монашеских общин предметом аналогичного молитвенного размышления (но, может быть, без обязательного ежедневного чтения) стали и речения Отцов, которые «рассматривались так же, как Слово Божие, органическое продолжение Священного Писания»⁷, поскольку, как свидетельствует преподобный Варсонофий Великий, «Бог чрез Божественное Писание и чрез Отцов указал нам путь спасения».

О том, что слово Библии и слово святых в практике древнего благочестия стояли бок о бок, говорят и дошедшие до нас памятники той эпохи. На рубеже IV–V веков преподобный Ипатий утверждал, что монашеская жизнь немыслима «без размышления над Священным Писанием и проникновения в смысл наставлений святых Отцов»⁸. Преподобные Варсонофий и Иоанн (VI в.) уже прямо используют их высказывания в ответах на вопросы учеников (например, ответы 214, 288, 701 и др.), хотя в большинстве наставлений по-прежнему приводят только слова из Писания⁹. Это подтверждает типологическое тождество между Священным Писанием и писаниями и речениями святых Отцов как выразителями Священного Предания, понимаемого «как непрерывающееся действие Духа Святого в Церкви»¹⁰.

Постепенно святоотеческие писания все чаще включались в число текстов, привлекаемых для молитвенного чтения¹¹. Если мы обратимся к истории русского монашества, то увидим, что со времени преподобного Паисия Величковского у православных подвижников наблюдается значительный рост интереса к творениям их предшественников. Это было частью

⁴ См.: Преподобных отцев Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошения учеников. СПб., 1905.

⁵ Сидоров А. И. Священное Писание в египетском монашестве IV в. (На материале греческой версии творений св<ятого> Аммона) // Традиции и наследие Христианского Востока. Материалы международной конференции. М., 1996. – С. 349–358.

⁶ Там же. – С. 356. Ср. главу о молитве в книге: Казанский П. С. Общий очерк жизни иноков египетских в IV и V веках. М., 1872 (переиздана в приложении к книге Сидоров А. И. Древнехристианский аскетизм и зарождение монашества. Б. м., 1998).

⁷ Сидоров А. И. Священное Писание... – С. 351.

⁸ Сидоров А. И. Древнехристианский аскетизм... – С. 198.

⁹ Благодаря практике *μελ τι* знание Писания наизусть было нормой христианского благочестия. Вероятно, поэтому в ответах преподобных Варсонофия и Иоанна слова из Священного Писания преобладают.

¹⁰ Старец Силуан. Paris, 1952. – С. 39.

¹¹ Подтверждением этому может служить богослужебная практика афонских монастырей. Согласно их уставу, за всенощными бдениями должны прочитываться многочисленные поучения святых Отцов.

более масштабного процесса возрождения духовной жизни и старчества в этот период¹². В монастырях преподобного Паисия чтение святоотеческих писаний было важнейшим компонентом воспитания инока наряду с откровением помыслов и Иисусовой молитвой. В русской традиции наиболее известным сторонником включения произведений Отцов в практику молитвенного чтения был святитель Игнатий Брянчанинов. Широко известны его слова о том, что в наше время без чтения творений святых Отцов для инока невозможно спасение. Ученики преподобного Паисия вместе со старчеством принесли в Россию и практику чтения святоотеческих писаний. Распространение того и другого шло бок о бок, поскольку вслед за увеличением значения и авторитета старца растет и внимание к слову наставников прошлого. Рукописные *Патерик* или книга *Слов* преподобного Исаака Сирина тогда ценились так же высоко, как в первые века монашества – драгоценный список Евангелия. Недаром центром обработки и издания святоотеческих творений стала именно Оптиная пустынь – сердце старческого руководства.

Благодаря распространению традиции преподобного Паисия, проповеди святителя Игнатия и других церковных писателей, к концу XIX века молитвенное чтение Отцов прочно вошло в жизнь русских обителей. И когда с наступлением богоборческой эпохи русский подвижник вынужден был идти в мир для свидетельства своей верности Христу, он передал тем, кто и в новых условиях был готов принять Благоую Весть и понести свой крест (Мф 10:38 и др.), вместе со старческим руководством и молитвой и заповедь о молитвенном чтении святоотеческих творений. Новому поколению христиан было суждено хранить заветы своих ушедших учителей посреди враждебного мира, часто в тягостном духовном одиночестве. Тогда со страниц с риском для жизни сохранных книг, рукописных отечников и патериков для них звучали голоса тысячелетнего христианского Востока, родной Русской Церкви, а иногда – их собственных наставников, новых мучеников и исповедников. Члены гонимой Церкви вникали в силу этих слов, сердцем выучивали их.

Среди текстов, предлагавшихся для молитвенного чтения старцами того времени, в частности, зосимовскими отцами, были писания не только признанных авторитетов, но часто и совсем неизвестных подвижников. Это не должно удивлять современного читателя. Подвижник, усвоивший сердцем закон Господень, уже сам способен выбирать среди множества текстов именно те, в которых запечатлен путь к познанию живого Бога, как Церковь своим соборным разумом отобрала книги, составившие Священное Писание¹³. На страницах книги монахини Игнатии представлены как раз те писания, которые прошли взыскательный отбор подвижников начала века и эпохи гонений. В наши дни подтвердилась правильность этого отбора. Шесть из девяти подвижников благочестия, к письмам которых монахиня Игнатия обращается во второй части своей книги, за последние десять лет были прославлены в лике святых, и их писания предложены Церковью «для назидания верных».

Обильные цитаты из таких текстов, включенные в «Старчество на Руси», делают эту книгу своего рода хрестоматией старческого делания. Поскольку некоторые авторы, цитируемые монахиней Игнатией, малоизвестны, а их наследие малодоступно, мы поместили их письма в приложения, которые также призваны полнее осветить различные эпохи русского старчества. Надеемся, что эта книга поможет глубже вникнуть в слово ушедших Отцов, и оно останется живым и действенным и для нынешнего поколения христиан.

¹² Иеромонах Василий (Кривошеин). Афон в духовной жизни Православной Церкви // Архиепископ Василий (Кривошеин). Богословские труды. 1952–1983 гг. Статьи, доклады, переводы. Нижний Новгород, 1996. – С. 56–61.

¹³ Отметим, что молитвенное чтение (μελ τι) может безболезненно сочетаться с научной критикой текста. Примером тому может служить, например, экзегеза епископа Кассиана (Безобразова) и протоиерея Алексия Князева (см. его статьи в «Альфе и Омеге», №№ 1(15), 2(16), 3(17) за 1998 г. и 1(19), 2(20) за 1999 г.). Их толкования используют современный критический аппарат и при этом безусловно основываются на молитвенном чтении Священного Писания и направляются им.

* * *

Когда монахиня Игнатия писала эту книгу, писания авторов, выдержки из которых она включила в свой труд, были библиографической редкостью, и те, кто читал рукопись «Старчества на Руси», впервые открывали для себя творения духовных писателей прошлого. Сегодня, когда большая часть этих творений переиздана, книга монахини Игнатии не теряет своего значения, но поворачивается к читателю новой стороной. Построенная как *отечник*, в котором значимы и отбор, и соположение цитат, она вводит вдумчивого и внимательного читателя в мир духовного опыта старцев. Немаловажно, что на этом пути его сопровождает автор, этот опыт усвоивший.

Часть I

Пролог

*Всех Творцу преклоняю колена, Превечному Слову руки простираю,
слова ища дарование...*

Последование святителю Иоанну Златоусту. Икос

Воистину, и начинающему эти строки необходимо преклонить колена перед Творцом, необходимо простереть руки к Превечному Слову, ища в недрах своей души слова, достойного изобразить делание и подвиги святых.

В дни, когда Русская Православная Церковь, а с нею и весь мир, отмечает тысячелетие Крещения Руси и когда эти дни исполнились, каждому православному русскому необходимо сказать свое слово. Наше слово – о старчестве русском, поскольку Промыслом Божиим личная жизнь и жизнь близких совершилась под старческим руководством.

Православие, и особенно русское Православие, уже давно стало предметом углубленного изучения для многих представителей инославных исповеданий. С большим вниманием и любовью, во всех мельчайших деталях исследуется православное богослужение. Много внимания уделяется и православному изобразительному искусству, русской иконе. Подобным же интересом исполнены и строки о русском старчестве, хотя образ старца чаще всего рисуется как образ странника, движущегося по необъятным просторам русской земли, несущего в себе делание и художество молитвы Иисусовой¹⁴.

Русское старчество – плоть от плоти старчества вселенского, – основываясь на опыте великих египетских старцев, имеет и специфические черты. Всмотреться в особенности этого великого утешающего явления, родившегося в недрах Русской Православной Церкви, – наша насущная задача, и об этом наше слово.

Но и раскрыть малоизвестные источники речений самих старцев в их писаниях и письмах – и тем возродиться к жизни нескончаемой, вечной – также должно быть посильной нашей задачей. В целом же направление подлежащего слова – это припадание к основам Духа во Христе Иисусе, к основам духовной жизни, путеводствующей, укрепляющей в старчестве жизнь человека. Это и поиск жизни, поиск пути, неизменного, верного, остающегося таковым и в дни нашего трудного «космического» века.

---

¹⁴ Такой образ русского старца сложился на Западе под влиянием книги «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу». Английский перевод опубликован в 1883 г. (продолжение – в 1911 г.). О ее известности свидетельствует упоминание о ней в рассказах Дж. Д. Сэлинджера «Фрэнни» (1955 г.) и «Зуи» (1961 г.). – Сост.

Основы старчества

...помыслы, самые первичные и самые тонкие формы движения греха и добродетели в области ума <...> сделались для иноков центром преимущественного внимания в руководстве старческом.

«Пастырство монастырское, или старчество»

Прежде чем изложить наши мысли о русском старчестве, необходимо хотя бы очень кратко, схематично, уяснить основные понятия о старчестве как таковом, имеющиеся в литературе. Подобных трудов насчитывается весьма немного; чаще всего о старчестве пишут как о святоотеческой традиции, как о явлении, связанном с учением и мыслями святых Отцов, развивают идеи о пользе старческого руководства¹⁵.

Кроме указанных источников, необходимо отметить рукописный труд, где старчество разбирается как пастырство монастырское¹⁶. Его автор видит в явлении старчества мистическое обоснование нравственному подвигу человека. Он говорит, что для осуществления христианского совершенства требуется очищение сердца, освящение всей личности человека, что может быть достигнуто только в аскезе старческого руководства. В нем должна быть вскрыта вся «подпочва» человеческой жизни.

Мы – в наших давних мыслях о старчестве – пытались увидеть в нем основу того, что имеет место в жизни каждой человеческой семьи, где младшие пользуются руководством и указаниями старшего, где естественно формируются отношения детей к отцу и матери и где в разумных и любовных поступках родителей заложена основа правильного возрастания ребенка в мужа совершенна. Мы даже пытались показать, что в жизни духовной самые необходимые и ни с чем иным не сравнимые понятия *отец, мать, дочь, сын* взяты из естественной жизни основной ячейки человеческого общества – семьи¹⁷. Воистину, наряду с мистической стороной старческого руководства, которую любит подчеркивать автор «Пастырства монастырского», жизнь духовной семьи в старческом руководстве только тогда полноценна и тверда, когда наряду с великой аскезой послушания, наблюдения за внутренней дорогой души, сохраняется и живое тепло родительских, семейных отношений, когда старец – не только строгий судия «помыслений сердечных», но и любящий, любвеобильный *авва*, который даже не по-отечески, а скорее по-матерински следит за внутренней и внешней жизнью своего Богом данного чада.

Мы знаем, наконец, попытку великого Достоевского определить старчество как огромную силу, которую получает человек, отдавая полностью свою волю другому, отказываясь от своей воли и жизни¹⁸. Насколько прав в этом определении сердцеведец Достоевский, судить не нам; мы только можем быть безгранично благодарны ему за то, что он ввел в русскую литературу свое понятие о русском иноке и дал ей – а с нею и всему миру – образ старца Зосимы. Устами старца Зосимы он сказал многие вещие слова как о будущем русской интеллигенции, так и о служении русского народа всему человечеству.

В основе старчества как высокого духовного монашеского делания автор «Пастырства монастырского» видит стремление «достигнуть чистейшего мышления без посредства каких-

¹⁵ Протоиерей Александр Соловьев. Старчество по учению святых Отцов и аскетов. Семипалатинск, 1900; Пустынник. Мысли святых Отцов о необходимости и пользе старческого руководства в духовной жизни. М., 1910. В последнее время опубликованы и переизданы следующие труды: Концевич И. М. Стяжание Духа Святаго в путях Древней Руси. М., 1993; Экземплярский В. И. Старчество // Дар ученичества. Сборник. М., 1993. – С. 139–227; Концевич И. М. Оптина пустынь и ее время. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995; Митрополит Трифон (Туркестанов). Древнехристианские и оптинские старцы. М., 1996 и др.

¹⁶ См. Пастырство монастырское, или старчество (1927) // Альфа и Омега. 1999. № 2(20).

¹⁷ Монахиня Игнатия. Слово о старчестве // Альфа и Омега. 1996. № 2/3 (9/10). – С. 165–208.

¹⁸ Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы. Роман в 4 х частях с эпилогом. Ч. I. Кн. 1. V. «Старцы».

либо символов, даже слов». Здесь он находит «концентрацию всей внутренней жизни» человека «на единой всеобъемлющей идее Божества», – воистину подвиг великий, достигающий тех размеров, которыми его определил Достоевский.

Для того, чтобы подойти к высоте этой идеи, необходимо наблюдение за самыми малейшими, начальными движениями души. Это-то наблюдение движений и их откровение и составляют наряду с послушанием твердое здание старчества, основание подлинной духовной жизни. Говоря об «изошренном систематическом самонаблюдении», автор «Пастырства» пишет, что при этом необходим «точный, тонкий до скрупулезности анализ элементов греха и добродетели» и таким образом приходит к определению понятия *помысла*. Помыслы (λογισμοί), которые должны быть открываемы старцу, суть самые первичные и самые тонкие формы движения греха и добродетели в области ума, «наблюдение и урегулирование помыслов является наиболее важным, существенным <...> целесообразным аскетическим подвигом».

Дар различения духов – различение помыслов (отделение добрых от злых) – есть весьма трудный подвиг. В его основе должны лежать благоразумие и рассуждение. Отсюда следует, что дар этот приобретается из жизни, из собственного опыта, но что важнее всего – при помощи благодати Божией. Благодать Божия руководит отношениями старца и ученика, между ними устанавливаются самые искренние внутренние отношения, так что ученик уже ничего – ни одного помысла, ни одного движения – не может (именно *не может*) утаить от старца. «Открывая свои душевные движения и состояния руководителю, – говорится в „Пастырстве монастырском“, – усовещающийся приобретает навык к самонаблюдению, выводит их из тайников своей души наружу, как бы объективирует их, поставляет пред своим внутренним взором, а посему имеет более психологической возможности правильно оценить их».

Здесь возможно сопоставить действия старца с действиями врача или психиатра, проводящего сложный анализ психического состояния больного. От правильно взятого направления, от глубины проведенного исследования зависит и само исцеление больного. Не случайно в последние годы в клинической практике придается большое значение анализу, проводимому как самим больным, так и врачом-психиатром¹⁹. И все же для понимания старчества это – только слабые подобия, так как, как сказано выше, в старческом руководстве все совершает благодать Божия, тот именно факт, что старец уповает не на себя или на свое искусство, но на помощь, на руководство Святого Духа, Его вседейственной благодати.

В сказаниях о жизни старцев и их учеников можно найти очень много живых примеров того, как велико пред Богом чистое, безжалостное к себе откровение помыслов старцу, как в очах Божиих искупается, ценится это откровение, как подвизающийся открывать свои приращения мыслей и страдающий от них приравняется к страстотерпцу, проливающему кровь за исповедание Христа. Таковы повести о молодом монахе, который неоднократно, много раз в ночи ходил к старцу, чтоб открыть ему стужающий его помысл. И видели над головой ученика сияние, как над головой святого. Подобной же силы повесть о том, как старец, не поняв, не приняв силы исповеди своего ученика, осудил его за откровение, и в назидание страсть, с которой боролся ученик, во всей силе овладела старцем. И спасло старца только благодатное действие, проявившееся во вмешательстве его собратий, которые не дали ему уйти из монастыря²⁰.

Автору этих строк пришлось быть свидетелем того, как милостивый и одновременно мудрый старец, читая откровение одной из своих учениц, которое касалось очень тонких и, может быть, чрезвычайно обостренных помыслов, говорил с сокрушением и сочувствием: «Велико-

¹⁹ См. Мелехов Д. Е. Психиатрия и проблемы духовной жизни // Психиатрия и актуальные проблемы духовной жизни. М., 1997. – С. 35–36 и др.

²⁰ Древний Патерик, изложенный по главам. М., 1899. – С. 67–69.

мученица, великомученица...»²¹. Другой великий русский старец, положивший душу за дела свое, когда был удален церковной властью от возможности принимать своих духовных детей на откровение, отказывая всем, не мог отказать одной из своих учениц подробно писать помыслы²². «Она погибнет без откровения, – говорил батюшка, – ей необходимо много и подробно писать». До самого своего разлучения с духовной паствой старец поддерживал эту ученицу. Другие страдали, но батюшка отказывался их принять, сохраняя совесть в отношении распоряжения церковной власти.

В сказаниях о жизни подвижников можно найти поучительные примеры того, как старцы учили своих учеников борьбе даже с малым, казалось бы, невинным помыслом. Так, мы читаем в одном из разделов Патерика следующее трогательное сказание: «Однажды авва Агафон шел с учениками своими. Один из них, нашедший на дороге небольшой зеленый стручок чечевицы, говорил старцу: Отец, позволишь ли мне взять его? Старец с удивлением обратился к нему и сказал: ты ли положил его здесь? Нет, – отвечал брат. Если не ты положил, как же хочешь взять его? – заметил старец»²³.

Подобен этой повести и краткий рассказ о том, как живущий в поле монах захотел съесть пшеничный колос и не позволял себе этого сделать, не спросив об этом владельца поля. Борьбе с помыслами старцы всегда придавали большое значение. Один из них, авва Кир, говорил даже так: «Если ты не имеешь помысла, то ты без надежды, – ибо если не имеешь помыслов, то имеешь дело»²⁴.

Борьба с помыслами, откровение их старцу так же важно, имеет то же значение, что и послушание. Послушание же, согласно его пониманию в духовном руководстве, должно быть полным, целостным, точным. Так, в Патерике можно прочесть повесть о чистом и безотлагательном послушании учеников. Один из них, не дописав буквы, вскочил на зов старца из-за своего рабочего стола. Пришедшие позднее увидели, что он не довел до конца начертание буквы омега (ω)²⁵. Там же читаем об ученике, имевшем великое послушание своему старцу, и о том, как он, искушаемый другим братом, по слову его вошел в реку, кишашую крокодилами, и крокодилы «лизали тело его и не вредили ему»²⁶.

Великие старцы изрекали, что послушание выше подвижничества и чистоты, так как оно «с дерзновением приводит к Богу»²⁷. И один из них, великий авва Моисей, сказал: «Будем просить послушания, рождающего смирение и приносящего терпение и великодушие, и сокрушение, и братолюбие, и любовь; ибо это суть воинственные оружия наши»²⁸.

О святой, смиренной, непостижимой для ветхого человека любви, рожденной от послушания, сохранилось в Патерике много преданий. Так, один брат, закончив свои корзины и привязав к ним ручки, чтобы нести на продажу, услышал, что у соседа его нет ручек для корзин. Отвязав их от своего изделия, он отнес ручки брату, уверяя его, что они ему не нужны²⁹. Другой старец, узнав, что болящий брат его хочет свежего хлеба, набрал свой сухой хлеб в милоть,

²¹ Имеется в виду архимандрит Никита (Куручкин; †1937). См. о нем в главе «Зосимова пустынь и старчество». – Сост.

²² Речь идет о схииеримандрите Игнатии (Лебедеве; †1938), духовном отце монахини Игнатии, который незадолго до своего ареста под давлением властей был удален на покой; ему было запрещено служить и принимать у себя для исповеди, что фактически означало домашний арест. Распоряжения церковноначалия отец Игнатий исполнял неукоснительно, хотя они и доставляли ему большие страдания. – Сост.

²³ Древний Патерик. – С. 45–46.

²⁴ Там же. – С. 69. Дело – осуществление греха действием.

²⁵ Там же. – С. 257.

²⁶ Там же. – С. 264.

²⁷ Там же. – С. 259.

²⁸ Там же. – С. 256.

²⁹ Там же. – С. 323.

сходил в Египет и переменяв черствый хлеб на свежий, принес его, еще теплый, болящему³⁰. И указывается в рассуждении Отцов, что враг может подражать и посту, и бдению, но никогда – смирению и любви³¹. Искушая двух братьев, согласно живших вместе, враг представил птицу одному вороной, другому – голубем, вследствие чего добился их ссоры. Когда же по прошествии трех дней братья поняли искушение, они смирились, примирились друг с другом и до смерти жили в мире³².

В разделе о высших добродетелях иноков отраднo прочесть такие строки: «Сказал авва Исаия: любовь есть размышление о Боге с непрестанным благодарением; благодарению же радуется Бог, оно есть знак успокоения»³³. Подобных строчек не найдешь в руководстве прочих религий: смирение Христово, Его послушание воле Отца лежит в основе всех добродетелей; недостижимо оно для духа зла, и пребывает святая и чистая, и смиренная христианская любовь выше всех козней и сетей диавола. Она ему чужда и недоступна.

Высоты этой чистой любви достигают идущие путем послушания и смирения, путем отсечения своей воли, путем откровения всех тончайших приражений врага, тернистой дорогой наблюдения за собой и открытия старцу своих помыслов, десных и шуих.

В Отечнике, составленном святителем Игнатием Брянчаниновым, под различными сказаниями о жизни старцев и их изречениями помещены примечания самого святителя Игнатия, полные великой духовной силы и значения. В них сохраняется тот высокий стиль, что присущ основным произведениям Святителя. В них всюду – та же высокая подлинная духовность, которой полны его произведения.

Часто святитель Игнатий, приводя жития и изречения старцев, делает указания, соответствующие тому времени, когда издавался Отечник. Многие мнения старцев были чересчур строги для того периода. Большинство же сказаний и изречений исследованы Святителем с большой любовью, и высказывания его только подчеркивают их высоту. Так, в сказании о духовном видении инока Захарии, с которым очень сурово обходился его духовный отец, епископ Игнатий пишет, что для верного течения духовной жизни Захарии было правильным сохранение сурового руководства его отца. «От истинного послушания, – пишет святитель Игнатий, – рождается и истинное смирение: истинное смирение осеняется милостию Божиею»³⁴. Разбирая поступок аввы Аммона с учеником, склонным к высокоумию, святитель Игнатий пишет в своих примечаниях: «Преподобный преподал ему подвиг смирения, единый благоугодный Богу, единый способный привлечь милость и благодать Божию к подвижнику»³⁵. «Неоцененный подвиг! Существенный подвиг!», – восклицает Святитель по поводу невидимого внутреннего подвига инока, доступного и для современных ему монахов. «Глубина смирения есть <...> и высота преуспеяния, – пишет он в другом примечании, – нисходя в бездну смирения, восходим на небо»³⁶.

При оставлении всех попечений инок может «устремиться к Богу умною молитвою, – пишет святитель Игнатий. – Тогда она (умная молитва – *Авт.*) возносит делателя своего в ту любовь к Богу, которая законоположена Богом»³⁷.

³⁰ Там же. – С. 323–324.

³¹ Там же. – С. 327.

³² Там же. – С. 327–328.

³³ Там же. – С. 319.

³⁴ Отечник. Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их, собранные Епископом Игнатием (Брянчаниновым). СПб., 1891. – С. 116.

³⁵ Там же. – С. 50.

³⁶ Там же. – С. 30.

³⁷ Там же. – С. 56.

Касаясь высоких духовных состояний, которые часто отмечаются в сказаниях о старцах, святитель Игнатий всегда являет смиренномудрие, доискиваясь до основ, до причин этих высоких состояний, и всегда старается подчеркнуть связь их со спасительным смирением сердца. Так, в примечании к повести о старце Аммоне, который, по слову своему, уже не знал о существовании зла, святитель Игнатий пишет: «Такое настроение является в душе от постоянного внимания себе, от плача о своей греховности, от действия умной благодатной молитвы. Эта молитва исполняет сердце умиления. Умиление есть ощущение обильной милости к себе и ко всему человечеству»³⁸.

Вероятно, исходя из опыта собственной духовной жизни, святитель Игнатий с подлинно духовной свободой относился ко всем внешним занятиям при условии сохранения умного делания, как он говорит об этом в своем примечании к житию аввы Геласия. Приводя слова великого аввы Исаии о том, что в подвиге внутреннего делания «ум и душа соделываются единым сердцем» и что «соединенные воедино ум и душа приносят Богу молитвы чистые», святитель Игнатий в своем примечании пишет: «Здесь изложены самые глубокие психологические истины». Их Святитель объясняет «опытно христианским святым подвижничеством»³⁹.

Всюду он подчеркивает внутреннюю связь высоких духовных состояний с исходным смирением и покаянием инока, его покаянным плачем и подвигом. Разбирая повесть об авве Пимене, который по разорении монастыря оставался на месте, где раздавался плач детей, а святой авва почитал этот плач за звук голосов ангельских, святитель Игнатий пишет: «Таков плод умного делания. Оно, исцеляя мало-помалу греховную заразу сердца, изменяет отношение его к окружающим предметам и обстоятельствам. Сердце начинает смотреть на все из своего смирения и из своей благодати, из своего самоотвержения, из своей мертвости для мира, из своей жизни в Боге»⁴⁰.

Излагая в том же Отечнике слова преподобного Исаака Сирина о молитве, святитель Игнатий, строгий к себе и другим в вопросах духовной жизни, показывает свою необычайную широту и свободу в понимании молитвы и видения, сообщаемых подвижникам Духом Святым. «И ныне рабы Христовы, – пишет Святитель, – сподобляются видеть различные духовные видения, которым некоторые не верят, никак не хотят признать их истинными, но признают прелестью, и видящих считают прельстившимися». «Очень удивляюсь, – пишет Святитель дальше, – как эти слепотствующие душею не веруют благодати Духа <...> Эту благодать и ныне подает Христос и будет подавать даже до кончины мира по обетованию Своему верным рабам Своим»⁴¹.

Мы намеренно привели эту длинную выписку из примечаний святителя Игнатия в Отечнике с тем, чтобы показать, каких глубин достигает тот, кто правильно ведет свою духовную жизнь, начиная с послушания старцу, с откровения ему помыслов, – малейших «логизмов» своей души.

«Оставим все суетное, – пишет святитель Игнатий в *Заключении* своего труда, – чтоб наследовать плач и молитву ума, спутницу плача, – чтобы посредством плача и молитвы обрести утешение, обетованное Спасителем. Путь к плачу – Евангельские заповеди»⁴².

³⁸ Там же. – С. 49.

³⁹ Там же. – С. 205.

⁴⁰ Там же. – С. 297.

⁴¹ Там же. – С. 237.

⁴² Там же. – С. 384. Изучение старческого руководства и в последние годы остается вопросом чрезвычайно жизненным. После того, как нами была окончена настоящая работа, мы смогли познакомиться с трудом И. Смолича, написанным в 1936 г. (Смолич И. Жизнь и учение старцев (Путь к совершенной жизни) / Перевод с немецкого митрополита Иоанна (Вендланда) // Богословские труды. Сб. 31. М., 1992. – С. 97–174). И. Смолич основательно разбирает различные стороны старческого руководства, приводит подробные выписки из трудов старцев и дает серьезную и вместе с тем любовную оценку отдельным поднятым вопросам. Материалы И. Смолича заканчиваются разбором старческого делания преподобного Серафима Саровского, поскольку у автора, находившегося за границей, не было новых материалов. В заключение своего труда И. Смолич приводит

К истории русского старчества

*...то неправда, будто бы подвиги древних Отцев невозможны ныне.
Невозможны они для тех, кои беспечно порабащают себя страстям <...>
Тех же, кои усердно каются <...> тех всех Господь приемлет,
милует, дарует им благодать Свою.
«Устав о жительстве скитском» преподобного Нила Сорского, сл. 2*

Подобно тому, как старчество восточное, по мнению ряда авторов, начинается в первые же века формирования монастырского чина, и в русском монашестве можно проследить те же явления.

Если вникнуть в службу, составленную преподобному Феодосию Печерскому его современником монахом Печерского монастыря Григорием, творцом канонов, то можно отчетливо увидеть указания монаха-песнописца на существовавшее в феодосиевом монастыре старчество, на его уклад, его проявления. Называя преподобного Феодосия «житницей Иосифовой» и «пастырем монахов изрядным», блаженный Григорий пишет: «Божий сад священный посреде дому Господня стоя, подаеши плод болезней твоих учеником твоим: от уст бо твоих благодать Духа возрастил еси»⁴³. Он же, по слову Григория, «многи привел поклонники Богу»⁴⁴.

Особенностью преподобного Феодосия Печерского как старца было и то, что он, не оставляя «умного» делания, деятельно входил во все житейские нужды монастыря, неотложные, трудные. А потому, по слову песнописца, преподобный Феодосий «подобаяся ноги Умывшему Своим учеником <...> воду черпати и на раму носить изволил еси, и древа своима руками принося и сеча, начальника трудов себе монахом показал еси»⁴⁵. Главное же, по слову того же канона, что преподобный Феодосий «удобрение монахом и путь спасения человеком <...> был еси, обогащ бо вся <...> глаголы Божественных таин, учил еси»⁴⁶.

Высокая духовная культура монашеского жития в Киевский период породила целый сонм преподобных отцев, повести о жизни и подвигах которых не утратили свое высокое духовное содержание до наших дней. В некоторых из них можно почерпнуть образцы духовного делания великой силы; некоторые сказания поражают своей правдой, своим величием и не отличаются от сказаний о жизни мужей древних, мужей великой мощи.

Таково жизнеописание преподобного Николы Святоши, князя Черниговского, рассказ о его жизни в чине монашеском, о его смиренномудрии, рассуждении. Святой Никола был первым русским князем, принявшим иночество. Известно его послушание на поварне и при воротах монастыря. Прожив в обители около 40 лет, Преподобный принял, пройдя многие послушания, обет безмолвия. Власяница его исцелила его брата от тяжелой болезни⁴⁷. Очень захватывает повесть о том, как другой юноша высокого рода, Варлаам, возжелал монашеского жития, которое представлялось ему единственной жизненной реальностью. Придя к преподобному Антонию Печерскому, Варлаам был принят в число иноков и пострижен в монашество. Описывается, сколько претерпел преподобный Варлаам, когда отец хотел насильно вернуть его в мир; Преподобный же оставался непреклонным. Он был поставлен преподобным Антонием во игумена и стал первым игуменом Киево-Печерского монастыря. Преподобный скончался в

⁴³ Миней. Май, 3-е. Служба преп. Феодосию Печерскому. Утренняя, седален по 3-й песни канона.

⁴⁴ Там же. 1-й канон, песнь 5, тропарь 1.

⁴⁵ Там же. Песнь 6, тропарь 3.

⁴⁶ Там же. Песнь 7, тропарь 3.

⁴⁷ Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. Кн. 2. Месяц Октябрь. М., 1904. – С. 349–356. См. также: Настольная книга священнослужителя. М., 1978. Т. 2. – С. 183–184.

пути, возвращаясь из паломничества ко Гробу Господню, и был погребен в Ближних пещерах Печерской обители⁴⁸.

Другие иноки Печерские прославились смирением и послушанием, а также несением телесных болезней. Таков образ Пимена Многоболезненного, кроткого брата, сподобившегося быть постриженным Ангелами. Некоторые из братий слышали пение и, пришедши, обрели Преподобного облеченного в монашеские одежды. Преподобный Пимен страдал 20 лет и исцелился за три дня до кончины. Он пришел в церковь, простился с братией и причастился Святых Христовых Таин. В день его кончины было явление трех огненных столпов над монастырем⁴⁹.

Велики и те преподобные, которые в молчании, великом смирении и послушании формировали своего внутреннего человека; каждый из них – по-разному, в соответствии со складом своей души. Вместе же они составили воинство мужей крепких, на которых покоилось в то время величие православной Киевской Руси.

Всю эту святость первого русского монашества, возросшего под руководством преподобных Антония и особенно Феодосия Печерских, ощущаешь, попадая в пещеры Печерского монастыря. Открытые после Великой Отечественной войны, они сообщили русским православным людям о подлинной крепости и силе монашеского подвига. И сколько здесь святых могил, одна другой ближе, одна другой поразительней. Здесь затворники и молчаливники; здесь преподобные живописцы и врачи; здесь запоминающиеся образы преподобного Иоанна Многострадального и преподобного Моисея Угрина; здесь покоище игуменов и некоторых архиереев; здесь приснопамятный Нестор Летописец и святые просфорники Никодим и Спиридон. Здесь же обрела себе упокоение святая дева Иулиания, княжна Ольшанская, здесь и двенадцать мастеров-зодчих – все они вместе и каждый в отдельности живо касаются душ живущих, ищущих, что им ближе по духу, по образу жития. Это все – преподобные в Ближних пещерах, и в Дальних тоже обретаешь для себя живые жизненные примеры.

Православная святыня ушла на север и приютилась на северо-востоке во времена тяжелого татаро-монгольского ига. Но духовная жизнь и чин монашеский не прекратились. В Великом Новгороде, а позднее и под Москвой возрастает великая обитель, и теперь уже преподобный Сергей Радонежский – собиратель и хранитель святыни Православия и монашества, он же и великий старец созданной им и Богом охраняемой обители.

Что, как не делание старческое, – его наблюдение за жизнью вверенных ему братий, его ночные обходы келлий, его напоминание о необходимости трезвения; также и его посильные и выше сил делания, связанные с телесными потребностями человека? Преподобный рубит деревья, строит храм и келлии, он запасает дрова и носит воду из источника. Во время оскудения жизни в обители он полагает тяжелый физический труд за краюшку заплесневелого хлеба. За это и другое – духовное, неоскудеваемое руководство – обретает он, как было в свое время и в Киевской Руси, сонм последователей и учеников. Господь утешает старца видением образа птиц, летающих у окна его келлии. И ученики преподобного Сергея, воистину как птицы, разлетаются из своей родной обители. Они не остаются на месте, не роют пещер, как в монастыре Печерском, они все растекаются по дальним и ближним окрестностям средней и северной Руси, и в различных ее концах во множестве возникают великие и малые монашеские обители. Поэтому север и северо-восток России становится подлинной новой Фиваидой, и обретаются в ней многие преславные имена и деяния.

Молчалиником был ученик преподобного Сергея преподобный Авраамий; он хотел остаться в обители своего духовного отца, но получил благословение уединиться на север и стал руководителем многих созданных им обителей в сумраке и гуще северных лесов. Преподобный

⁴⁸ Жития святых... Кн. 3. Месяц Ноябрь. М., 1905. – С. 546–550.

⁴⁹ Жития святых... Кн. 12. Месяц Август. М., 1914. – С. 107–114.

добный Авраамий изгнал из лесов змей и стал защитником и покровителем глухого Чухломского края.

В службе, составленной на день преставления преподобного Сергия, 25 сентября, можно отчетливо видеть, кем был богоносный отец Сергей для своих современников. Песнописец, воспевающий его житие и подвиги, прежде всего изображает Преподобного как гражданина Руси. Автору службы необходимо показать государственное значение преподобного Сергия, его участие в судьбах Русской земли, его болезнование о победе русского воинства, боление его души о нуждах государства. И только после того, как достаточно полно обрисован образ преподобного Сергия как великого гражданина, составитель службы ублажает его как начальника монахов. Для всего этого ему потребно два канона, из которых только во втором он более подробно касается делания преподобного Сергия как отца монахов.

Здесь налицо все основания для того, чтобы рассматривать деятельность преподобного Сергия среди братий как деятельность старческую. Уже на малой вечерне упоминаются «монахов множества», собранные Преподобным, и говорится о том, что мы «чада твоя, и овцы словесных твоих учений»⁵⁰. Более подробно и более отчетливо мысль эта излагается в стихирах на *Господи, воззвах* великой вечерни, где, подражая стихирам, написанным на подвиг 40 мучеников Севастийских, песнотворец восклицает: «Шествуя тесным путем, ко учеником твоим глагола еси, преблаженне Сергие: не устрашимся подвига постного, да страшнаго геенскаго мучения избегнем». И ниже: «Глаголя терпеливе Сергие: за рай, егоже погубихом, ризы мягкия ныне отлагаем <...> совлечемся ныне ради нетленных риз»⁵¹.

В канонах Преподобному, помимо прочих славословий, находим обильные указания на его старческое делание. «Благих образ тебе дав твоим учеником, и привлекл еси многи души во спасение, отлучившихся мирскаго пристрастия»⁵², — читаем мы в третьей песни канона. «Духа Святаго сияньми почтен, и светносным житием украсился еси, требующим подавая неоскудно и приемля с любовию монашествующих чины, отче Преподобне»⁵³. Далее в канонах эта мысль расширяется: преподобный старец — руководитель ко спасению многих людей по данной ему благодати Святаго Духа. «Другое небо на земли Божественным мановением, преблаженне, показался еси, воспитал еси словесное стадо, яко Ангел живой с плотию, богомудре»⁵⁴. Та же по существу мысль приводится и ниже: «Духа Святаго благодать в тя вселися, лукавых духов прогонителя содела, монашествующих же наставника показа»⁵⁵. А потому преподобный Сергей опять и опять называется «свечником многосветлым, возведшим ко Христу монахов множества»⁵⁶, а также «приведшим постников соборы новым житием»⁵⁷. Таково великое старческое делание преподобного Сергия, человека, который ублажается как «свечник <...> словесныя зари нам облистая, и Пребожественныя Троицы жилище»⁵⁸ и как учитель, «неложным правлением правяща отечество свое»⁵⁹ и своими учениями, «яко некоею небовосходною лестницею, на высоту добродетелей возводя»⁶⁰.

⁵⁰ Миния праздничная. М., 1914. Сентябрь, 25-е. Служба преп. Сергию Радонежскому. Малая вечерня, стихиры на стиховне, Слава. В службе преподобному Сергию на 5 июля отражено главным образом торжество обретения его честных мощей.

⁵¹ Там же. Великая вечерня, стихиры на Господи, воззвах.

⁵² Там же. Утренняя, 1-й канон, песнь 3, тропарь 1.

⁵³ Там же. 2-й канон, песнь 3, тропарь 3.

⁵⁴ Там же. Песнь 7, тропарь 1.

⁵⁵ Там же. Песнь 8, тропарь 2.

⁵⁶ Там же. Икос.

⁵⁷ Там же. 1-й канон, песнь 8, тропарь 2.

⁵⁸ Там же. Песнь 9, тропарь 1.

⁵⁹ Там же. Тропарь 2.

⁶⁰ Там же. Стихиры на Хвалите.

В житии преподобного Кирилла Белозерского можно найти поразительные по красоте описания того, как он с преподобным Ферапонтом искал место для построения обители. Возшли преподобные на высокую гору, увидели многие леса и озера окружающего их края «и возлюбили место сие», и здесь положили великие души их вселиться и создать обитель. Все, кто посетил эти места, полные вод и возвышенностей, знают, как воистину прекрасен пейзаж этого края, как захватывает дух от красоты земли, увиденной с высокой горки. Многие с благодарностью и верой созерцают на этой горе отпечаток стоп преподобного Кирилла, сохраняющийся на уплотнившемся камне многие века. Именно отсюда созерцал Преподобный красоту избранного им места вселения. Кирилло-Белозерский монастырь был и остается жемчужиной нашей родины, крепко печатлея великий дух молитвы и старческого рассуждения преподобного Кирилла и его учеников.

Наряду с этой великой лаврой Белозерской особенно дорог душе православного скромный, незаметно приютившийся среди холмов и малых озер небольшой Ферапонтов монастырь. Именно ему, скромному приюту иноков, довелось стать подлинной сокровищницей русской иконописи, обителью, в которой сохранились фрески великого Дионисия и его сыновей.

Эти же северные области, бывшие в свое время окраинами нашей земли, воспитали дух преподобного Нила Сорского, оставившего нам письменный документ духовной жизни и руководства старческого, ничем не отличающегося по своей силе и глубине от писаний старцев первых веков монашества. Во вступлении к своему «Уставу о жительстве скитском» преподобный Нил нишет: «Поелику многие из святых Отцев различными беседами научили деланию сердечному, мысленному блюдению и умному хранению, то и аз, многогрешный и неразумный, собрав от духовных Отцев, что изрекли они о сем предмете, написал *на воспоминание* себе и другим»⁶¹.

Преподобный поучает в первом Слове «Устава» о мысленной брани, различая: *прилог, сочетание, сложение, пленение* и проч. В Слове втором преподобный Нил пишет: «Наилучшая и благонадежная брань тогда может быть, когда отсекается помысл в самом начале и когда будет непрестанная молитва». «О молитве же никто да не вознерадит, – повторяет Преподобный в Слове 4-м, – ни здоровый, ни немощствующий <...> Мысленное же дело инока <...> чтобы ум иметь в богомыслии и в памятовании о Боге, и чтоб крепко держать себя в любви Божией, сие дело на всех лежит неотложно».

Если вспомнить всех дивных преподобных подвижников русского Севера: Пельшемских, Вологодских, Олонецких и Валаамских, Прилуцких и Соловецких, Обнорских и Глушицких, – воистину повторишь слова одного священнослужителя, в праздник Русских Святых воскликнувшего: «Нет другой такой страны, где бы было столько святых, как в земле Русской. А потому и не погибнет никогда земля Русская, имея столько за нее заступников и печальников! И никто никогда не овладеет землей Русской!».

Эти святые защитники оставались по отдельным монастырям, и теплились в их обителях заветы старческого руководства, пока не пришла пора новых государственных перемен, а с ними – и оскудение духа монашеского и старческого делания. Синодальный период Русской Церкви, особенно XVIII век, отмечен закрытием многих монастырей, введением суровых законов, так что многие желающие пострига и подлинного иноческого жития вынуждены были покидать пределы российского государства. Тем более оскудело в этот период подлинное понятие о духовной жизни и старческом руководстве. От этой эпохи остались только имена отдельных светильников духовной жизни: святителя Димитрия Ростовского, святителя Митрофания, епископа Воронежского, святителя Иннокентия Иркутского. Но Русская Церковь искала утра-

⁶¹ См.: Преподобный Нил Сорский, первооснователь скитского жития в России, и устав его о жительстве скитском. М., 1869.

ченные духовные пути; этот поиск Господь и явил в прозорливом делании преподобного Паисия Величковского.

Восстановление старчества на Руси

*Весел был еси образом, и преклонял еси уши просящим у тебя
помощи, и <...> простираи еси руце на подъятие их...
Кондак преподобному Паисию Величковскому*

Русское монашество и особенно старческое руководство нуждалось в своем восстановлении, в обретении тех высоких и спасительных устоев, которые оно имело от своего начала в Киевской Руси, которые сохранились, укрепились и возросли в тяжелые годы монголо-татарского ига и которым пришлось испытать внешнее и внутреннее оскудение в эпоху петровских реформ и последующих царствований.

Промысл Божий бдит над миром. Бдит Он над судьбой каждого отдельного человека, бдит Он – непостижимо для нас – и над бытием Своей Церкви, Своего Тела и Своей Невесты. Попускаются периоды (и немалые), в которые оскудение кажется предельным, более уже непоправимым, будто уже и кончается дыхание жизни в здании Христовой Церкви. Но слово Христово неложно, – и врата адовы, которые кажутся уже отверстыми, не одолевают Церкви Христовой. Совершаются события мирового или государственного масштаба, – и Церковь Христова выходит победительницей из крайнего, казалось бы, и страшного положения: врата ада не имеют над ней силы. В других же обстоятельствах, когда не нужны для спасения Церкви большие мировые сдвиги, Господь поставляет события меньшего объема, выдвигает отдельных людей, которым дается Промыслом Божиим завидный жребий – спасение, восстановление церковного достояния.

Подобный жребий на Руси был уготован преподобному Сергию Радонежскому, авве сонма отцов Радонежских и всего последующего русского монашества и в нем – старческого руководства. XVIII век требовал для восстановления монашеского жительства на Руси других путей и других личностей. Рухнувшая Византия уже не могла быть оплотом Православия и духовного учения для Руси, каковым была во времена преподобного Сергия. Уже и учение исихастов было не так доступно для России, как в то время. Живые источники духовных основ Православия и монашеского жития следовало теперь искать – тоже за пределами России – где-либо на Афоне и в прилежащих землях. И чтобы достигнуть искомого, необходим был человек, наделенный спасительным стремлением и твердостью. Подобного человека, способного в поиске своем пойти на жертву, переступить границы родины, устремиться на обретение имевшихся ранее, но утраченных духовных сокровищ, явил Господь, непостижимый Промысл Его в лице преподобного Паисия, как он назван в своем житии, «родимца Полтавского».

Петр, сын полтавского протоиерея Иоанна Величковского, рано открыл в своем сердце зов к живому Богу, преодолел много препятствий, внешних и внутренних, прежде чем достиг желаемой монашеской обители. Но и обретя эту обитель, вдавшись в различные делания и послушания, «измывая», по слову жития, «братнины плащаницы», он не мог успокоить своего духа, не обретая подлинного духовного руководства, объясняющего ему все недоумения, вопросы, неясности, встающие на иноческом пути. Начинается долгий и многотрудный поиск юного Петра (в иночестве Платона); поиск того наставника и тех основных духовных руководств, писаний святых Отцов, которые указывают путь человека к Богу.

Отец Платон приходит в Молдавию, затем достигает Афона, разыскивая и ища этого слова Отцов минувших веков. Его ждет тяжелое разочарование, большое духовное искушение, так как он не находит искомого. Но молодой подвижник не теряет веры в истину своего поиска. После многотрудных скитаний и болезнований Господь сподобляет его в Молдавии встречи с подлинными носителями духа, искупающими путь монашеский согласно святоотеческому учению.

Старцы Василий и Михаил Поляномерульские знакомят отца Платона с переводами Добротолюбия⁶²– и ревностный подвижник припадает к живому источнику. На Афоне он понимает, что переводы писаний святых Отцов неточны, несовершенны, почему и считает необходимым изучать греческий язык, чтобы вникнуть в детали духовной жизни, преподанные святыми старцами-аскетами.

На Афон приходит старец Василий Поляномерульский и постригает юного подвижника в мантию с именем Паисий. Преподобный Паисий живет на Афоне, ведя строгую подвижническую и созерцательную жизнь, изучая писания преподобных Отцов-аскетов и, вникая в самую суть изображаемой ими внутренней жизни, начинает делать посильные исправления в прежних переводах и сам переводит основных отцов Добротолюбия.

---

⁶² Зд. – сборник аскетических писаний вообще. – Сост.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.